«Затерянный Дом» плыл на полной скорости.

В бледном свете, отбрасываемом «Сотворением Мира», полупрозрачные паруса корабля развевались, хоть и ветра не было. Огромная и сложная система мачт и вант скрипела, словно управляемая бесчисленными парами невидимых рук, быстро и чутко регулирующих угол наклона. Дункан чувствовал, как корпус корабля под его ногами слегка покачивается и наклоняется, направляя переднюю часть в определенную сторону в бескрайнем море. Звук волн, бьющихся о корпус корабля, смешивался с «сенсорными сигналами», поступающими от самого корабля, отдаваясь мягким эхом в глубинах его сознания.

Почему-то именно в тот момент, когда корабль сменил курс, он вдруг почувствовал, что атмосфера на корабле изменилась. Конечно, окружающий пейзаж остался прежним, но...

Как будто он услышал, как корабль издал тихий вздох удовлетворения.

Дункан покинул капитанскую комнату, вышел на палубу, задрал голову, вглядываясь в ночное небо, оглядел выпуклые паруса и возвышающиеся мачты, протянул руку, легонько постучал по фальшборту и тоскливо спросил:

— Тебе тоже надоело бесцельно дрейфовать?

«Затерянный Дом» промолчал, если не считать легкого скрипа из-под палубы и шелеста нескольких веревок поблизости, извивавшихся вокруг Дункана, как змеи.

— ...Это не мило, а даже немного страшно. — Дункан посмотрел на веревки. — Вот как вы напугали Элис в прошлый раз, да?

Веревки покачнулись на месте и быстро соскользнули.

Дункан тихонько вдохнул, собираясь насладиться свежим ночным воздухом, но вдруг в его сознании возникло «прикосновение».

Сначала он даже не понял, что это такое. Потом догадался, что оно исходит из города-государства Пранд.

Дункан, находившийся на втором этаже антикварного магазина в городе Пранд, вдруг моргнул глазами и тут же посмотрел в определенном направлении — это была комната по соседству с комнатой Нины. В поле его зрения появилось изображение человека в комнате, но он не мог четко его разглядеть.

В поле его зрения в той комнате пульсировало скопление изумрудного пламени — но это была не Нина, а метка, оставленная на Ширли.

Пламя ощущало нарастание сверхъестественной силы, чувствовало, что эмоции носителя колеблются.

Что случилось с Ширли?

Дункан не стал медлить. Он встал и бросился к спальне Нины, осторожно постучал в дверь, но внутри никто не откликнулся.

Он немного замешкался, но в следующую секунду почувствовал, что метка, оставленная на Ширли, снова запульсировала.

В такой момент нельзя много думать — Дункан толкнул дверь в комнату Нины.

Как и в детстве, Нина всегда спала, не запирая дверь.

В спальне царил полумрак, лишь слабый свет уличных фонарей, проникающий через окно, выделял очертания предметов в комнате. Дункан не заметил в комнате ничего необычного.

Ширли и Нина спокойно спали на кровати, одна головой к краю, другая лежала, скрестив ноги, на животе у другой.

Во сне их поза... получилась весьма артистичной.

Дункану, конечно, было неинтересно обращать внимание на то, в какой позе спят две девочки. К этому времени он заметил, что Ширли нахмурилась, а на ее руке, которая обычно использовалась для вызова Пса, медленно проступали маленькие черные прожилки.

Дункан слегка нахмурился, затем активировал метку, оставленную на Ширли, и попытался найти источник «загрязнения» в комнате, используя особые свойства духовного пламени.

С его точки зрения, нынешнее состояние Ширли в сочетании с предупреждением от метки, несомненно, являлось признаком загрязнения.

Рядом с Ширли вспыхнуло небольшое изумрудное пламя, осветив окрестности. Но померцав несколько мгновений, оно так и осталось на месте.

В комнате не было загрязнения.

Дункан нахмурил брови и наклонился ближе, наблюдая за нахмуренными бровями Ширли.

Поскольку он не был уверен, насколько сильно духовное пламя влияет на живых, он не мог

просто выпустить больше пламени, чтобы «просканировать» комнату, как на фабрике. Но даже маленькая искра духовного пламени должна была отреагировать на незнакомые сверхъестественные силы.

Загрязнение... находится не в реальном мире? В духовном? Или где-то еще?

Дункан задумался, потом ему что-то пришло в голову. Он встал и тихо вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Вернувшись в свою спальню, он увидел дремлющую на подоконнике фигуру голубя.

— Путешествие по духовному миру.

Дункан снова вошел в темное пространство, залитое бесконечным звездным светом, и услышал воркование Ай после его пробуждения. Затем он успокоился и почувствовал «метку» окружающего звездного света, который принадлежал ему, так же, как он чувствовал «Белый Дуб» и Ванну до этого.

Это далось ему легко, поскольку этот след был гораздо более четким, чем «искра» Ванны. Дункан почти мгновенно зафиксировал звезду, принадлежащую Ширли...

Ширли открыла глаза в темноте и поняла, что спит в кровати, незнакомой и знакомой одновременно.

Она села, ее разум словно застилала пелена, но вскоре она пришла в себя. Она растерянно оглядела окружающее ее пространство, наконец, различив в темноте очертания некоторых предметов.

Постепенно просыпались знакомые и далекие воспоминания, и, взглядевшись в окружающее, Ширли наконец открыла глаза.

В следующую секунду она резко вскочила с кровати, издав при этом серию крайне сердитых, настолько сердитых, что слегка задрожала, затряслась, как бы выдавая свои страх и нервозность:

— Черт, черт, черт! Черт, опять этот, опять он!

Серия громких ругательств разорвала тишину, но их выкрикивал не обычный голос Ширли, а гораздо более молодой и нежный детский голос, который существовал только в воспоминаниях. Она спрыгнула на пол и увидела, что ее руки и ноги стали такими же худыми и нежными, как в воспоминаниях. На ней была светло—розовая пижама, точно такая же, как в воспоминаниях, на порванных манжетах все еще красовался тот знакомый, вышитый неумехой щенок.

— Не бросайте меня! Не смейте!

Ширли редела в темной комнате. Она рвалась к закрытой двери, била и пинала, пытаясь разбить пестрые деревянные доски, но дверь была неподвижна. Она билась об нее головой и скрежетала зубами по ручке, но это было совершенно бессмысленно. Она стала таранить дверь своим маленьким телом — так прошло некоторое время. В окно пролилось немного утреннего света, и через дверь донеслось то, что она меньше всего хотела услышать в это раннее время суток.

Она услышала, как кто-то встает в соседней комнате, услышала шаги и звук собираемых вещей.

Она услышала, как один из тех, кому принадлежали эти шаги, приближается к двери, и очень мягкий, знакомый голос негромко сказал:

— Ширли, Ширли? Встала? Все еще сердиться?

Стук Ширли в дверь своей комнаты резко прекратился. Словно лишившись сил, она прислонилась к деревянной двери. Ей очень не хотелось слышать, но она жадно прислушивалась к голосу и суматохе, доносившейся из-за двери.

— Ширли, мы с папой пошли купить тебе торт, сегодня твой день рождения... Когда мы вернемся, надеюсь, ты не будешь сердиться, хорошо?

— Не уходите... — вдруг сказала Ширли, сначала совсем тихо, но вскоре голос перерос в крик.
— Не уходите... не уходите! Не уходите! Не уходите! Не уходите!

Наконец она закричала, хотя и знала, что это бесполезно, но все равно кричала:

— Не уходите! Не уходите, черт возьми! Не уходите!

Но время неумолимо двигалось вперед. Прошлую секунду, как и воспоминания — звук шагов за дверью вдали — уже не вернуть.

Звук поднимаемой сумочки, далекий, приглушенный разговор родителей, поворот дверной ручки, дверь открывается, дверь закрывается, ключ поворачивается один раз, затем еще на пол-оборота.

Ширли медленно села в темноте и стала считать удары своего сердца.

Когда она насчитала 1200 ударов, вдалеке послышались крики.

На 1600 ударе в дверной проем стал проникать резкий запах дыма.

На 1800 улицы наполнились исступленными криками, а окна залил ослепительный красный свет, словно весь город-государство был брошен в расплавленную лаву.

На двухтысячном со стороны двери дома раздался тяжелый, приглушенный стук — дверь была сломана, как будто какое-то огромное чудовище тяжелыми шагами приближалось к запертой комнате.

Затем дверь комнаты окончательно рухнула — деревянная дверь, которую Ширли не смогла бы выбить со всей силы, теперь рассыпалась во все стороны, словно бумажная.

Там появилось отвратительное существо — огромная почерневшая демоническая собака, кошмар из костей, теней, дыма и горящего пепла, демон из глубин, чудовище для ребенка шести лет, и теперь его пустые, налитые кровью глазницы вцепились в «живое» существо в комнате!

Ширли спокойно смотрела на появившуюся перед ней Гончую.

Это была Гончая Глубин — но еще не ее.

Это не тот Пес, у которого есть «сердце», не тот, который рылся в мусорных баках в поисках еды, чтобы ее накормить, и не тот, который пытался рассказывать неумелые шутки, чтобы ее развеселить, а в результате научил куче ругательств.

Гончая вошла в комнату.

Раздался звук пережевываемых костей.

Ширли лежала на полу, чувствуя, как ее конечности пожирает демоническая гончая, острая боль, пронзающая завесу одиннадцатилетних воспоминаний, заполняла ее сознание, пока она продолжала считать удары своего сердца. Она подсчитывала, сколько времени пройдет, прежде чем Пес станет ее Псом, и прикидывала, сколько еще ей придется здесь пробыть исходя из прошлого опыта. Неделя? Или две недели?

Сознание немного помутилось. Даже в этом мрачном сне далекие боли наконец-то настигли ее, и сквозь пелену она вдруг увидела, что неподалеку от ее кровати, в самой глубокой тени, в какой-то момент появилась фигура.

Фигура появилась не вдруг, а как будто с самого начала, с самого начала этого сна, с самого начала всех снов, и даже... Ширли сама не знала, почему ей пришла в голову эта паразитическая мысль, — даже одиннадцать лет назад.

Он сидел, и только сейчас она впервые осознала ее присутствие, как будто туман внезапно рассеялся, позволяя ей заглянуть за него.

Из ниоткуда появился слабый, изумрудный свет, осветивший лицо фигуры, мрачное и величественное — лицо, которое Ширли раньше не видела, но которое произвело на нее необъяснимое чувство, будто она его знает.

— Не обижайся, — произнесла эта величественная фигура.

<http://tl.rulate.ru/book/76198/3433853>